

Бертран
РАССЕЛ

Брак
и мораль

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Бертран Рассел

Брак и мораль

«Издательство АСТ»

1929, 1957

УДК 17
ББК 87.7

Рассел Б.

Брак и мораль / Б. Рассел — «Издательство АСТ», 1929,
1957 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-123308-2

«Брак и мораль». Книга, за которую Бертран Рассел получил Нобелевскую премию. Книга, в которой изложена история возникновения и развития институтов брака и семьи и затрагиваются вопросы, волнующие каждого из нас, – брак и развод, верность и измена, секс и любовь. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 17
ББК 87.7

ISBN 978-5-17-123308-2

© Рассел Б., 1929, 1957
© Издательство АСТ, 1929, 1957

Содержание

Глава 1. Почему сексуальная этика необходима?	6
Глава 2. Когда отцовство неизвестно	10
Глава 3. Господство отца	14
Глава 4. Фаллический культ, аскетизм и грех	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Бертран Рассел

Брак и мораль

Bertrand Russell
Marriage and Morals

© Bertrand Russell, 1957

© Horace Liveright, INC., 1929

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Глава 1. Почему сексуальная этика необходима?

Когда мы характеризуем какое-либо общество, будь то древнее или современное, всегда обнаруживаются два элемента, довольно тесно связанных между собой и имеющих первостепенное значение: первый – это экономическая система, а второй – система семейная (семьи и семейных ценностей). Сегодня существуют две влиятельные школы мысли, одна из которых опирается на сугубо экономические воззрения, а другая сводит все к семейным, или, если угодно, сексуальным аспектам; первая, разумеется, школа Маркса, тогда как вторая – школа Фрейда. Сам я не склонен примыкать ни к одной из упомянутых школ, поскольку, на мой взгляд, взаимосвязь экономики и секса отнюдь не демонстрирует явного превосходства одной школы над другой с точки зрения причин и следствий. Например, промышленная революция, безусловно, уже оказала и будет далее оказывать сильное влияние на сексуальную мораль, однако сексуальная сдержанность пуритан была психологически необходима в качестве одной из предпосылок промышленной революции. Я не готов приписывать первенство ни экономическому, ни сексуальному фактору, да и, положа руку на сердце, вряд ли их можно разделять сколь-нибудь строго. Экономика связана преимущественно с добыванием средств пропитания, но люди все-таки редко добывают еду исключительно на благо индивида, который ее жаждет; как правило, пища предназначается семье, а с изменением семейной системы изменяются и экономические мотивы. Должно быть очевидно, что не только страхование жизни, но и большинство форм частного сбережения почти наверняка исчезнет бесследно, если отнимать детей у родителей и воспитывать их за государственный счет, как в платоновской республике¹; иными словами, если государство берет на себя роль отца, такое государство, *ipso facto*², становится единственным капиталистом. Убежденные коммунисты часто утверждают обратное: если государство будет единственным капиталистом, семья, какой мы ее знаем, не сможет выжить; даже если допустить, что подобные мнения чересчур категоричны, нельзя не признать теснейшую связь между частной собственностью и семьей – связь взаимную и настолько прочную, что невозможно отделить одно от другого, назвать одно причиной, а другое – следствием.

Сексуальная мораль общества, как будет показано, имеет несколько уровней. Прежде всего, имеются позитивные институты, воплощенные в законе; таковы, скажем, моногамия в одних странах и полигамия – в других. Далее идет уровень, где влияния закона не ощущается, зато ощутимо воздействие общественного мнения. И наконец имеется уровень индивидуальных поступков, когда человек принимает решения самостоятельно. Нет ни одной страны и не было ни единой эпохи в мировой истории, где бы и когда бы сексуальная этика и сексуальные институты определялись рационалистическими соображениями (за исключением Советской России). Я вовсе не хочу сказать, что институты Советской России в этом отношении совершенны; нет, я лишь подчеркиваю, что эти институты опираются не на суеверия и традиции, в отличие от, хотя бы частично, институтов всех прочих стран во все времена. Проблема определения наилучшей сексуальной морали с точки зрения общего счастья и благополучия видится чрезвычайно сложной, и ее решение будет зависеть от ряда обстоятельств. В промышленно развитом обществе такое решение будет отличаться от решения в стране с примитивным сельскохозяйственным укладом. Также несомненны различия между обществом, где медицинская наука и гигиена обеспечивают устойчивое снижение смертности населения, и обществом, где эпидемии и иные заболевания выкашивают большую часть населения еще до перехода во

¹ В трактате «Государство» Платон писал, что «все рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц...» (пер. А. Егунова). – *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. ред.*

² Следовательно (лат.).

взрослую жизнь. Быть может, узнав больше, мы окажемся в состоянии сделать вывод, что наилучшая сексуальная этика для одного климата должна отличаться от таковой для другого – или что сексуальная этика может зависеть даже от типа диеты в конкретном обществе.

Сексуальная этика проявляет себя в самых разных аспектах – персональных, супружеских, семейных, национальных и международных. Вполне возможно, что какие-то ее практические последствия будут положительными в некоторых перечисленных случаях и отрицательными в других. Нужно рассмотреть все варианты, прежде чем мы сможем решить, как именно воспринимать конкретную систему.

Начнем с персонального уровня: здесь последствия обычно трактуются психоаналитиками. Нужно учитывать не только взрослое поведение, навязываемое кодексом принятых в обществе правил, но и подготовительное образование, призванное внушить почтение к этому кодексу. Как мы теперь знаем, табу в раннем возрасте могут проявляться весьма любопытным и далеко не линейным образом. На этом уровне мы имеем дело с персональным благополучием. К следующему уровню мы переходим, когда начинаем изучать взаимоотношения мужчин и женщин. Для всех очевидно, что сексуальные отношения с одним объектом могут быть более ценными, чем с другим. Большинство людей согласится с тем, что сексуальные отношения более гармоничны, когда в них присутствует не только физическая, но и психологическая составляющая. Действительно, от поэтов здравомыслящая цивилизация мужчин и женщин усвоила, что ценность любви возрастает пропорционально вовлечению в отношения личных качеств людей. Кроме того, поэты приучили многих ценить любовь пропорционально ее интенсивности; однако это более спорный вопрос. Большинство современных людей согласится с тем, что любовь должна быть равноправной и что на этом основании, если ни на каких иных, полигамию, например, нельзя рассматривать как идеальную систему. На всем этом уровне необходимо учитывать как брак, так и внебрачные отношения, поскольку внебрачные отношения встречаются в любом обществе, независимо от формы брака и брачного законодательства.

Далее мы подходим к вопросу о семье. Из древней и сравнительно недавней истории мира известно множество разновидностей семейных групп, но патриархальная семья при этом явно господствует; более того, моногамная патриархальная семья уверенно торжествует над полигамной. Основным мотивом сексуальной этики, господствовавшей в западной цивилизации с дохристианских времен, было стремление гарантировать добродетель со стороны женщины, поскольку без нее патриархальная семья теряет смысл (ибо нельзя точно установить отцовство). Соответствующее требование в отношении мужчин появилось позже и было связано с аскезой, превозносимой в христианстве, а в последнее время и с эмансипацией – женщины начали заявлять о своих правах и требовать верности со стороны мужчины. Впрочем, последний фактор вряд ли надолго сохранит свое влияние, ибо женщины, по некоторым признакам, отдают предпочтение системе, допускающей свободу для обоих полов, а не той, которая равным образом ограничивает сексуальную свободу мужчин и женщин.

При этом в пределах моногамной семьи обнаруживается обилие вариаций. Браки могут заключаться самими брачующимися или их родителями. В некоторых странах невесту выкупают; в других, скажем, во Франции, выкупают жениха³. Вдобавок налицо множество различий касательно развода – от католического экстремума, отрицающего саму возможность развода, до древнего китайского закона, позволявшего мужчине развестись с женой, если та чрезмерно болтлива. Постоянство (или квази-постоянство) в сексуальных отношениях возникает также среди животных, не только среди людей, и у животных забота о потомстве необходима для

---

³ Вероятно, имеется в виду известный в некоторых французских деревнях обычай, когда отец невесты «расплачивается» вином и угощением за «приобретение» жениха; впрочем, куда более распространен аналогичный выкуп невесты.

сохранения вида. Например, птицы высиживают яйца, дабы те не остывали, и одновременно вынуждены проводить много часов в поисках пищи. Справиться с той и другой задачей самка просто не в состоянии, поэтому необходимо сотрудничество самки и самца. Вследствие этого большинство птиц кажутся нам образцом добродетели. Что же касается людей, то и здесь отцовское попечение выглядит немаловажным биологическим преимуществом для отпрысков, особенно в смутные времена; но с развитием современной цивилизации роль отца в воспитании все больше берет на себя государство, и можно предполагать, что наличие отца вскоре перестанет считаться биологически выгодным – во всяком случае, когда отец не имеет капитала и вынужден зарабатывать на хлеб. При таком положении дел следует ожидать полного разрушения традиционной морали, поскольку у матери не останется причин требовать безусловного установления отцовства ее ребенка. Платон, пожалуй, пошел бы дальше и заместил бы государством как отца, так и мать. Признаюсь, сам я не настолько восхищаюсь государством и не настолько восторгаюсь прелестями сиротских приютов, чтобы с энтузиазмом поддерживать эту схему. В то же время вполне допускаю, что некие экономические силы могут вынудить к частичному (хотя бы) ее принятию.

Закон регулирует сексуальные отношения в двух аспектах; во-первых, он закрепляет ту сексуальную этику, которая принята в конкретном обществе, а во-вторых, защищает права индивидов в области секса. В данной области можно выделить два основных направления: с одной стороны, это защита женщин и несовершеннолетних от посягательств и дурного обращения, с другой – профилактика венерических заболеваний. Ни одно из указанных направлений обычно не рассматривается целостно, и по этой причине соблюдение закона тут не столь эффективно, каким могло бы быть. Что до первого направления отдельно, напомним, что истерические кампании против торговли белыми рабами⁴ обернулись принятием законов, от исполнения которых профессиональные злоумышленники научились с легкостью ускользать, зато открылись широкие возможности для шантажа невинных. А что до второго направления, мнение, будто венерические заболевания суть справедливое воздаяние за грехи, препятствует внедрению мер, которые были бы наиболее эффективными по медицинским основаниям, тогда как в обществе бытует убеждение, что венерические заболевания постыдны и их надлежит скрывать, а это мешает своевременному выявлению и адекватному лечению таких болезней.

Теперь перед нами заключительный вопрос – о населении в целом. Это поистине колоссальная проблема, которую нужно рассматривать с разных сторон. Тут и материнское здоровье, и здоровье детей, и психологическое влияние многочисленных и малочисленных семей, соответственно, на характер ребенка. Данные факторы можно охарактеризовать как гигиенические аспекты нашей проблемы. Также имеются экономические аспекты, личного и общественного свойства: достаток на душу населения в семье или в обществе в зависимости от размера семьи или уровня рождаемости в обществе. Тесно связанным с предыдущим представляется вопрос о влиянии прироста населения на международную политику и возможность достижения мира во всем мире. Наконец, есть евгенический вопрос, то бишь вопрос улучшения (или ухудшения) «породы» вследствие различия в показателях рождаемости и смертности в разных слоях конкретного общества. Никакую сексуальную этику нельзя ни оправдывать, ни осуждать до тех пор, пока вы не рассмотрите ее во всех обозначенных аспектах. Реформаторы наряду с реакционерами имеют обыкновение уделять внимание лишь одному или, в лучшем случае, двум аспектам этой проблемы. Крайне редко можно встретить сочетание личных и политических взглядов, и нет ни малейших доказательств того, что одни взгляды важнее других: мы не

⁴ В англоговорящих странах в XIX веке и в первой половине XX столетия это выражение обозначало сексуальное рабство белых женщин; в США в 1910 году приняли так называемый закон о белых рабынях (или закон Манна), запретивший «эксплуатацию женщин в аморальных целях».

располагаем априорными подтверждениями того, что система, эффективная для отдельного индивида, будет столь же эффективной для общества в целом, и наоборот. Лично я не сомневаюсь в том, что почти везде и чаще всего некие скрытые психологические силы побуждали и побуждают людей внедрять системы, подразумевающие совершенно не оправданную жестокость; это, кстати, характерно и для наиболее цивилизованных рас в наши дни. Кроме того, я считаю, что достижения в области медицины и гигиены требуют перемен в сексуальной этике – желательных как с личной, так и с общественной позиции, а возрастающая роль государства в образовании и воспитании постепенно лишает отцов той значимости, которой они обладали на протяжении истории человечества. Поэтому нам предстоит решать сразу две задачи в критике нынешней этики: с одной стороны, мы должны устранить элементы суеверий, засевшие в подсознании; с другой – мы должны учитывать принципиально новые факторы, которые превращают мудрость прошедшей эпохи в бессмысленные ритуалы, непригодные в настоящем.

Чтобы составить полное представление о существующей системе в перспективе, я сначала рассмотрю некоторые системы, известные в прошлом или бытующие в настоящее время среди менее цивилизованных народов мира. Затем я перейду к характеристике системы, поддерживаемой ныне западной цивилизацией, а в завершение перечислю те отношения, в которых эту систему надлежит улучшить, и обосную, почему, как мне кажется, мы вправе рассчитывать на подобные улучшения.

Глава 2. Когда отцовство неизвестно

Брачные обычаи всегда и везде представляли собой сочетание трех факторов, которые можно условно обозначить как инстинктивные, экономические и религиозные. Я не хочу сказать, что между перечисленными группами возможно провести строгое разграничение, – нет. Тот факт, что лавки и магазины закрыты по воскресеньям, проистекает из религиозных заповедей, но сегодня это уже экономическое явление, и точно так же обстоит дело со многими правилами и установлениями, относящимися к сексу. Полезный обычай, имеющий религиозное происхождение, часто сохраняется обществом именно в силу своей полезности, даже когда его религиозное основание теряет свою силу. Различия между религиозным и инстинктивным провести не менее затруднительно. Религии, обладающие сильным влиянием на поступки людей, обыкновенно опираются на некий инстинктивный фундамент. При этом они выделяются уважением к традиции, а также тем, что несмотря на все многообразие инстинктивных человеческих свойств, отдают предпочтение лишь некоторым из них. Например, любовь и ревность равно являются инстинктивными эмоциями, но религия постановляет, что ревность есть добродетель, которую обществу надлежит блюсти, а любовь – в лучшем случае простительна.

Инстинктивный элемент в сексуальных отношениях значит намного меньше, чем принято думать. В данной книге я не собираюсь погружаться в антропологию глубже, чем это необходимо для того, чтобы проиллюстрировать некоторые характерные ситуации, но в одном отношении эта наука видится мне чрезвычайно актуальной: она наглядно демонстрирует, что многие практики, считающиеся рациональными и противоречащими инстинкту, на самом деле существуют на протяжении долгого времени, не вступая в сколь-нибудь явный конфликт с инстинктом. К примеру, не только среди дикарей, но и среди относительно цивилизованных народов была распространена практика официального (причем порой публичного) дефлорирования невинных дев жрецами. В христианских странах установилось мнение, что лишение девственности – прерогатива мужа, и большинство христиан, во всяком случае, до недавнего времени, осуждало практику религиозной дефлорации как инстинктивную. Практика «одалживания» своей супруги гостю в знак уважения и гостеприимства тоже относится к числу тех, которые современный европеец инстинктивно отвергает, а между тем она была очень широко распространена. Полиандрия – еще один обычай, который невежественный белый человек считает противным человеческой природе. Еще более преступным в его глазах выглядит инфантицид, убийство младенцев, но факты доказывают, что люди добровольно соглашались на это, когда осознают экономические выгоды такого преступления. Дело в том, что в человеческих действиях инстинкт напрочь лишен конкретики, и его легко сбить с естественного пути. Указанная характеристика равно применима к дикарям и цивилизованным сообществам. Само слово «инстинкт», кстати, не кажется уместным обозначением для столь разнородного поведения, как поведение человека в сексуальной сфере. Единственным, что действительно во всей этой реальности можно назвать инстинктивным в сугубо психологическом смысле, оказывается акт сосания груди в младенчестве. Не знаю, как происходит у дикарей, но цивилизованным людям совершенно точно приходится учиться технике половых актов⁵. Довольно часто супружеские пары, прожившие вместе не год и не два, обращаются к врачам за советом, как завести детей, а при расспросах выясняется, что они просто-напросто не знали техники полового акта. Потому, следовательно, половой акт вряд ли можно, если быть максимально точным, назвать инстинктивным, хотя, конечно, у людей имеется природная предрасположенность к нему, а желание без физического контакта удовлетворению не подлежит. Действительно, когда речь заходит о людях, становится ясно, что у нас нет точных моделей поведе-

⁵ См.: Havelock Ellis, *Studies in the Psychology of Sex*, vol. VI, p. 510. – *Примеч. авт.*

ния, существующих у прочих животных, и инстинкт в этом смысле заменяется чем-то другим. Прежде всего, в человеческом обществе мы сталкиваемся с неудовлетворенностью, стимулирующей действия более или менее случайного и несовершенного вида, но постепенно, более или менее случайно, возникает деятельность, приносящая удовлетворение – и потому повторяемая. Значит, инстинктивна не столько завершаемая деятельность, сколько стремление ей обучиться, и нередко деятельность, способная принести удовлетворение, отнюдь не является заранее predetermined, пускай даже, как правило, наиболее биологически выгодная деятельность дарует наиболее полное удовлетворение, при условии, что ей научились до приобретения иных привычек.

С учетом того, что в основе всех современных цивилизованных обществ лежит патриархальная семья, и памятуя о том, что сама концепция женской добродетели изобретена ради того, чтобы патриархальная семья стала возможной, важно выяснить, какие природные побуждения порождают ощущение отцовства. Ответ на этот вопрос, увы, не столь прост, как могло бы показаться людям, непривычным к размышлениям. Чувства матери по отношению к ребенку вполне объяснимы, поскольку здесь существует тесная физическая связь – во всяком случае, до момента отлучения от груди. Но вот отношение отца к ребенку (в том, что касается физиологии родительства) явно косвенное, гипотетическое и, если угодно, выводимое – оно выводится из убеждений, скажем, в добродетельности жены, и принадлежит, получается, к области, чересчур интеллектуальной для того, чтобы признать это отношение инстинктивным. По крайней мере, все будет выглядеть именно таким образом, если допустить, что отцовское чувство должно было быть направлено на собственных детей мужчины. Впрочем, это не обязательно так. Обитатели Меланезии не ведают, что у людей бывают отцы, однако среди них привязанность к детям ничуть не слабее той, какую испытывают люди, знающие своих детей⁶. На психологию отцовства помогли пролить свет работы Малиновского о жителях Тробрианских островов. Три его работы – «Секс и вытеснение в обществе дикарей», «Отец в первобытной психологии» и «Сексуальная жизнь дикарей Северо-Западной Меланезии» – представляются совершенно необходимыми для постижения того комплексного чувства, которое мы называем отцовским. Имеются, к слову, две независимые друг от друга причины, по которым мужчина может интересоваться жизнью ребенка: либо он считает этого ребенка своим, либо ему известно, что это ребенок его жены. Вторая причина по отдельности проявляется там, где роль отца обществу неведома.

Тот факт, что жителям Тробрианских островов неизвестно о существовании у людей отцов, был установлен Малиновским твердо и однозначно. Малиновский обнаружил, например, что когда какой-то местный мужчина отсутствовал дома год или более, а по возвращении видел свою жену с новорожденным младенцем, этот мужчина искренне радовался и никак не желал понимать намеков европейцев, выражающих сомнение в добродетельности и верности его жены. Пожалуй, еще убедительнее другое свидетельство: он узнал, что человек, владевший превосходным стадом свиней, кастрировал всех самцов и не понимал, почему это привело к ухудшению породы. Местные жители считают, что детей приносят духи, которые помещают младенцев в материнские утробы. Они знают, что девственницы понести не могут, но из этого делают вывод, что девственная плева выступает физическим барьером, препятствующим проникновению духов. Неженатые мужчины и незамужние девушки свободно вступают в половые отношения, но по неизвестной причине незамужние девушки крайне редко беременеют. Как ни странно, девушка в этом случае считается опозоренной, хотя, если следовать дикарской философии, поведение этих девушек никак не связано с их беременностью. Рано

⁶ Дальнейшее изложение строится на пересказе работ английского этнографа и антрополога Б. Малиновского, основоположника метода включенного наблюдения; он провел несколько лет среди туземцев Меланезии, непосредственно изучая их быт и уклад жизни.

или поздно девушки устают от разнообразия связей и выходят замуж. Молодая жена уходит жить в деревню мужа, но она и ее дети по-прежнему воспринимаются как жители той деревни, откуда она родом. За ее мужем не признается кровное родство с детьми, потомство прослеживается исключительно по женской линии. Власть над детьми, которой в прочих местах обладают отцы, на Тробрианских островах принадлежит дяде по матери. Впрочем, тут мы встречаем крайне любопытное условие. Табу на взаимоотношения братьев и сестер чрезвычайно строгое; повзрослев, братья и сестры уже не смогут обсуждать друг с другом вопросы секса, пусть даже абстрактно. Кроме того, хотя дядя по матери имеет власть над детьми, он редко их видит – разве что когда они находятся вдали от матери и от дома. Эта замечательная система гарантирует детям заботу и привязанность без дисциплины, чего не встретишь где-либо еще. Отец играет с ними, он добр и ласков, но лишен права повелевать, тогда как дядя по матери, которому позволено командовать, живет вдали от детей.

Как ни странно, несмотря на убеждение в отсутствии кровной связи между ребенком и мужем его матери, дикари считают, что дети похожи на мужей своих матерей, а не на матерей или их братьев и сестер. Будет крайне невежливо отметить сходство между братом и сестрой, между ребенком и его матерью, даже очевиднейшее сходство категорически отрицается. Малиновский полагает, что привязанность отцов к детям стимулируется этой верой в похожесть именно на отца, а не на мать. Ему удалось установить, что у дикарей отношения отца и сына зачастую гармоничнее и теплее, чем у цивилизованных народов; вдобавок, чего и следовало ожидать, он не обнаружил у дикарей никаких признаков эдипова комплекса.

Для Малиновского оказалось совершенно невозможным, несмотря на все его старания и доводы, убедить своих приятелей-островитян в существовании такого явления, как отцовство. По их мнению, это все были глупые выдумки, сочиненные миссионерами. Христианство – патриархальная религия, которую невозможно сделать эмоционально или интеллектуально понятной для людей, не признающих отцовства. Ведь вместо Бога-отца пришлось бы вводить Бога-дядю по матери, что не совсем корректно, поскольку отцовство подразумевает власть и любовь, а в Меланезии власть у дяди по матери, а любовь – у отца. Жителям Тробрианских островов невозможно внушить идею, что люди – дети Божьи, ибо они не в состоянии постичь, как кто-то может быть ребенком какого-либо мужчины. Отсюда следует, что миссионерам надлежит перво-наперво разобраться в вопросах физиологии, а уж затем браться за проповеди. Из наблюдений Малиновского очевидно, что миссионеры не преуспели в решении первоначальной задачи, а потому не преуспели и в распространении Писания.

Малиновский утверждает – и в этом отношении, думаю, справедливо, – что если мужчина находится рядом с женой во время беременности и родов, у него возникает инстинктивная привязанность к ребенку, когда тот рождается, и такова основа отцовских чувств. «Отцовство... хотя и кажется поначалу лишенным всякого биологического основания, глубоко коренится в естественных склонностях и органических потребностях»⁷. Однако Малиновский полагает, что, если мужчина отсутствует рядом с женой, пока та пребывает в тягости, он изначально не будет испытывать *инстинктивной* привязанности к ребенку, хотя, если обычаи и племенная этика побудят его к близости с этой женщиной и этим ребенком, привязанность все же разовьется, как случилось бы, будь он возле матери с самого начала. Во всех важных человеческих отношениях социально желательные действия, где инстинкт слишком слаб, чтобы оказывать непреодолимое влияние, подкрепляются социальной этикой, чему примером служит поведение этих дикарей. Обычай требует, чтобы муж матери заботился о детях и оберегал их в малолетстве, и этот обычай не вызывает отторжения, поскольку он в целом соответствует человеческим инстинктам.

⁷ «Секс и вытеснение в обществе дикарей» (М.: Изд-во ВШЭ, 2011). Перевод Н. Микшиной.

Инстинкт, на который Малиновский ссылается в попытках объяснить отношение отца к своим детям среди меланезийцев, распространен, полагаю, шире, чем может показаться при чтении его работ. На мой взгляд, мужчинам и женщинам присуща склонность испытывать привязанность к любому ребенку, о котором ему или ей выпало заботиться. Даже если исключительно обычай, правила общежития или некий гонорар выступают непосредственным поводом к заботе со стороны взрослого, сам факт заботы в большинстве случаев способствует возникновению привязанности. Без сомнения, это чувство усиливается, когда мать этого ребенка – женщина, которую ты любишь. Поэтому становится понятным, что эти дикари окружают детей своих женщин должной заботой и опекой, и можно с уверенностью утверждать, что схожее чувство лежит в основе той любви, которую цивилизованные народы испытывают к своим детям. Малиновский заявляет – и ему крайне трудно что-либо возразить, – что человечество в целом наверняка проходило ту стадию развития, на которой ныне находятся жители Тробрианских островов, поскольку в истории наверняка был период незнания отцовства и отрицания отцовства. Семьи животных, где есть отцы, должны строиться аналогично, ничего другого тут быть не может. Лишь среди человеческих существ, когда отцовство было осознано, это чувство приняло ту форму, которая сегодня для нас привычна.

Глава 3. Господство отца

Как только физиологический факт отцовства получает признание, в отцовском чувстве возникает совершенно новый элемент, который почти повсеместно ведет к возникновению патриархальных обществ. Едва отец соглашается считать, что данный ребенок является, как сказано в Библии, его «семенем», в отношении отца к этому ребенку начинают проявляться два фактора – жажда власти и стремление продолжить свое существование после смерти. Достижения потомков в некотором смысле можно считать своими собственными достижениями, а их жизнь – продолжением своей жизни. Кончина больше не кладет предел амбициям, эти амбиции продолжают реализовываться на протяжении неопределенно долгого срока в жизни потомков. Вспомним, например, удовлетворение Авраама, узнавшего, что его сени суждено владеть землей Ханаанской⁸. В матрилинейном обществе семейные устремления доступны, естественно, лишь женщинам, а поскольку женщины не сражаются в войнах, их амбиции (какие бы то ни было), оказывают на общество меньшее воздействие, нежели амбиции мужские. Поэтому следует заключить, что понимание природы отцовства должно было усилить конкуренцию в различных группах общества, сделать их более энергичными, более динамичными и, если угодно, бойкими, чем они были на матрилинейном этапе. Помимо этого эффекта, который все-таки достаточно гипотетический, появилась также новая, крайне значимая причина настаивать на добродетельности женщин. Чисто инстинктивный элемент в ревности не настолько силен, как это принято считать. Своей чрезвычайной важностью в патриархальных обществах ревность обязана страху перед фальсификацией происхождения. Подтверждением тому может служить пример, когда мужчина устал от своей жены, зато искренне увлечен любовницей: тем не менее, он будет больше ревновать постыльную жену, чем беспокоиться из-за соперника, тоже претендующего на благосклонность его любовницы. Законный ребенок есть «продолжение» мужского эго, а его привязанность к этому ребенку представляет собой разновидность эгоизма. Если, с другой стороны, ребенок не является законным, предполагаемого отца разными уловками все равно побуждают проявлять заботу о ребенке, с которым он не имеет биологической связи. Следовательно, понимание природы отцовства привело к подчинению женщин как единственному способу обеспечения их добродетели – подчинению сначала физическому, а затем и ментальному, пик которого пришелся на Викторианскую эпоху. Благодаря подчинению женщин в наиболее цивилизованных обществах не найти истинного равноправного партнерства между мужьями и женами; супружеские отношения строятся на снисходительности первых и чувстве долга вторых. Все сколько-нибудь важные помыслы и цели мужчина держит при себе, ибо чрезмерно активные размышления могут толкнуть жену на предательство. В большинстве цивилизованных обществ женщин лишают практически всякого опыта познания мира и ведения дел. Их искусственно и нарочито оглушают – и считают неинтересными и скучными. Из диалогов Платона складывается впечатление, что сам философ и его друзья воспринимали мужчин как единственно достойных подлинной любви. Пожалуй, это не вызовет удивления, если вспомнить, что все вопросы, которыми интересовались греческие философы, признавались недоступными пониманию добропорядочных афинских женщин. Аналогичное положение дел наблюдалось до недавнего времени в Китае, а также в Персии в великие времена славной персидской поэзии⁹ – да и в других странах в разные периоды истории. Любовь как отношения между мужчинами и женщинами была разрушена

⁸ В Библии ничего не сказано об «удовлетворении» Авраама; ср.: «И явился Господь Авраму и сказал [ему]: потомству твоему отдам Я землю сию. И создал там [Аврам] жертвенник Господу, Который явился ему» (Быт. 12:7).

⁹ Имеется в виду период расцвета классической поэзии в IX–XII столетиях; здесь достаточно упомянуть такие имена, как Фирдоуси, Рудаки, Низами, Руми, Саади и Ширази.

желанием удостовериться в законности происхождения детей. Причем пострадала не только любовь: жертвой этого желания стал вклад женщин в цивилизацию как таковой.

Экономическая система, что логично, претерпела изменения тогда же, когда преобразился способ отслеживания происхождения. В матрилинейном обществе мужчина наследовал своему дяде по матери; в патрилинейном же обществе он стал наследовать отцу. При этом отношения отца и сына в патрилинейном обществе сделались теснее, чем любые отношения между мужчинами в обществе матрилинейном, поскольку, как мы видели, функции, которые мы привычно приписываем отцу, в матрилинейном обществе распределялись между отцом и дядей по матери: отец проявлял любовь и заботу, а дядя по матери олицетворял власть и ответственность. Отсюда ясно, что патриархальная семья была более сплоченной, чем семьи более примитивного типа.

Может показаться, что лишь с появлением патриархальной системы мужчины начали требовать девственности от своих невест. При матрилинейной системе молодые женщины предавались любовным похождениям столь же свободно, как и молодые мужчины, но это перестало считаться допустимым, когда женщинам начали внушать, что любые внебрачные связи порочны.

Отцы, осознав сам факт своего отцовства, стали чрезвычайно широко и активно его использовать. История цивилизации во многом представляет собой хронику постепенного ослабления отцовской власти, которая достигла максимума у большинства цивилизованных народов прямо накануне исторического времени. Поклонение предкам, сохранившееся до наших дней в Китае и Японии, выглядит универсальной характеристикой ранних цивилизаций. Отец обладал непререкаемой властью над своими детьми, в том числе, если вспомнить примеры из истории Рима, властью над жизнью и смертью. Дочери везде и всюду, да и сыновья у многих великих народов, не могли вступать в брак без согласия отцов и, как правило, именно отец решал, кому на ком жениться или за кого выйти замуж. Женщина за всю свою жизнь никогда не вела независимого существования, подчинялась сначала отцу, а потом – мужу. Хотя нужно отметить, что в старости женщины пользовались фактически деспотической властью в домашних условиях: их сыновья с женами жили под тем же кровом, и невестки безоговорочно повиновались свекрови. Вплоть до сегодняшнего дня в Китае не редкость самоубийства молодых женщин, доведенных до отчаяния придирками свекрови, и эти современные китайские события напоминают об универсальных практиках, бытовавших в цивилизованных областях Европы и Азии до самого недавнего времени. Когда Христос поведал, что пришел повести «отца против сына, и сына против отца; мать против дочери, и дочь против матери; свекровь против невестки своей, и невестку против свекрови своей»¹⁰, имелись в виду такие домохозяйства, которые до сих пор встречаются на Дальнем Востоке. Власть, которую отец приобретал в первую очередь благодаря своей превосходящей силе, подкреплялась религией, каковую в большинстве ее форм можно определить как веру в то, что боги – заодно с правительством. Поклонение предкам, или нечто аналогичное, было распространено очень широко. Религиозные идеи христианства, как мы уже видели, возвеличивают институт отцовства. Монархическая и аристократическая организация обществ и системы наследования повсюду формировались именно на основании осознания отцовства. Но на заре развития эта схема обуславливалась экономическими мотивами. Из книги Бытия очевидно, что мужчины жаждали многочисленного потомства, которое сулило несомненную выгоду. Преумножение сыновей было столь же выгодным, как преумножение стад и поголовий¹¹. Недаром же Яхве велел людям плодиться и размножаться¹².

¹⁰ Лк. 12:53.

¹¹ Отсылка к стиху из книги Второзаконие: «Когда будешь есть и насыщаться, и построишь хорошие дома и будешь жить [в них], и когда будет у тебя много крупного и мелкого скота, и будет много серебра и золота, и всего у тебя будет много...» (Втор. 8:12–13).

Но по мере развития цивилизации происходила смена экономических условий, и в итоге религиозные заповеди, некогда отражавшие личные интересы, превратились в помеху. Когда Рим достиг процветания, аристократы уже не могли похвастаться многочисленными семьями. На протяжении поздних столетий римского величия старые патрицианские роды неумолимо вымирали, вопреки всем попечениям и поучениям моралистов, столь же бесполезным тогда, как и сейчас. Разводы сделались простым и обычным делом; женщины высшего сословия обрели положение, вполне сопоставимое с положением мужчин; а *patria potestas*¹³ слабела на глазах. Во многих отношениях эта ситуация поразительно напоминала ту, которую мы наблюдаем сегодня, однако подобные отношения ограничивались только высшим сословием и шокировали тех, кому недоставало богатства, чтобы получать прибыль от такой практики. Древняя цивилизация, в отличие от современной, страдала вследствие того, что охватывала крайне малый процент населения. Потому-то она постоянно грозила рухнуть, а в конечном счете поддалась суевериям, что волной нахлынули снизу. Христианство и вторжения варваров уничтожили греко-римский комплекс идей. Да, патриархальная система сохранялась и даже поначалу укрепилась – во всяком случае, если сравнивать с временами аристократического Рима, – но ей все же пришлось приспособиться к новому элементу жизни, то есть к христианским взглядам на секс и к индивидуализму, проистекавшему из христианского учения о душе и спасении. Ни одно христианское общество не было настолько откровенно биологическим, как цивилизации древности и культуры Дальнего Востока. Более того, индивидуализм христианской теологии со временем проник в политику христианских стран, а надежды на личное бессмертие способствовали тому, что выживание потомства и продолжение рода перестали восприниматься как единственный способ обрести бессмертие. Современное общество, оставаясь патрилинейным и обеспечивая сохранение семьи, придает отцовству куда меньшее значение, чем это было в древних обществах. Семейные узы перестали быть прочными. Надежды и упования мужчин до неузнаваемости изменились со времен библейских ветхозаветных патриархов. Ныне мужчины стремятся к величию через достижение государственного поста, а не через обладание многочисленным потомством, и как следствие – традиционная мораль и богословие сегодня менее влиятельны, чем прежде. Впрочем, нельзя не признать, что сама эта перемена была частью христианской теологии. Чтобы понять, как все произошло, следует рассмотреть, каким образом религия повлияла на отношение общества к браку и семье.

---

¹² Быт. 1:28.

¹³ Букв. «отцовская власть» (*лат.*), термин римского права, характеристика полновластия отца семейства в роду (над детьми, внуками и даже правнуками).

Глава 4. Фаллический культ, аскетизм и грех

С того времени, когда было впервые осознано отцовство, секс стал предметом пристального внимания религии. Чего-то подобного, разумеется, следовало ожидать, поскольку религия охватывает все области человеческой жизни, в том числе и насущные вопросы. Плодородие, будь то урожайность сельского хозяйства или плодovitость стай, стад и женщин были вопросами первостепенной важности для людей на ранних стадиях земледелия и скотоводства. Посевы далеко не всегда давали обильный урожай, а половые связи далеко не всегда приводили к беременности. К религии и магии обращались, чтобы гарантированно получить желаемый результат. Согласно распространенным взглядам на симпатическую магию, плодородие почвы можно обеспечить через стимулирование человеческой плодovitости, для повышения которой во многих первобытных сообществах совершались различные религиозные и магические церемонии. В древнем Египте, где сельское хозяйство возникло, судя по всему, еще до завершения матрилинейной эпохи, сексуальным элементом в религии выступал изначально вовсе не фаллический культ, а культ женских гениталий, на которые намекали своей формой раковины каури, якобы обладавшие, соответственно, магической силой и постепенно вошедшие в обиход как «денежные» единицы. Впрочем, эта стадия миновала, и в позднем Египте, как и в большинстве древних цивилизаций, сексуальный элемент в религии обрел воплощение в фаллическом культе. Очень хорошее и краткое изложение важнейших характеристик этого периода можно найти в главе за авторством Робера Брифффо¹⁴ в книге «Секс в истории цивилизации»¹⁵.

Сельскохозяйственные праздники, в особенности те, которые подразумевают посев зерна или сбор урожая, наблюдаются повсюду в мире и во все эпохи являли собой наиболее очевидные и наглядные примеры коллективного сексуального поведения. Аграрное население Алжира отвергает любые попытки ограничить распутство женщин, заявляя, что всякое желание навязать сексуальную мораль представляет угрозу полноценной сельскохозяйственной деятельности. Афинские фесмофории, или праздники посева, сохранили в современной утонченной форме исходную суть магии плодородия. Женщины ходили с изображениями фаллоса и произносили вслух непотребные слова. Сатурналии, римские праздники посева, предшествовали карнавалам Южной Европы, и в ходе этих гуляний фаллические символы, мало чем отличающиеся от тех, что популярны среди сиу и дагомейцев, вплоть до недавнего времени занимали важное место¹⁶.

Во многих областях мира можно встретить убеждение, будто луна, воспринимаемая как «мужчина», является истинным отцом всех детей¹⁷. Такая точка зрения обусловлена, конечно, поклонением луне. Стоит напомнить о любопытном конфликте по поводу лунного и солнечного календарей, пусть этот конфликт не имеет прямого отношения к нашей теме. Календарь во все времена играл важнейшую роль в религии. Англия вплоть до восемнадцатого столетия и Россия вплоть до революции 1917 года продолжали жить по неточному юлианскому

¹⁴ Французский хирург, социальный антрополог и писатель, публично дискутировал с Б. Малиновским об институте брака, в 1931 г. опубликовал сразу три работы по теме сексуальных отношений: «Групповой брак и сексуальный коммунизм», «Происхождение любви», «Грех и секс»; автор так называемого «закона Брифффо», который гласит, что «самка, а не самец, определяет у животных все обстоятельства семейной жизни».

¹⁵ См.: V. F. Calverton and S. D. Schmalhausen (eds.), Havelock Ellis (introduction), *Sex in the History of Civilization*. London, George Allen and Unwin Ltd., 1929. – *Примеч. авт.*

¹⁶ Briffault, *op. cit.*, p. 34. – *Примеч. авт.*

¹⁷ У маори «луна считается постоянным, или настоящим, мужем всех женщин. Согласно представлениям наших предков и старейшин, брак мужчины и женщины не является делом личного выбора, ибо «настоящий муж – это луна». Аналогичные взгляды известны во многих других странах и, безусловно, олицетворяют переход от стадии, когда отцовство было неизвестно, к стадии полного признания его важности». См.: Briffault, *op. cit.*, p. 37. – *Примеч. авт.*

календарю вследствие распространенного мнения, будто григорианский календарь придуман папистами¹⁸. Точно так же крайне неточные лунные календари пропагандировались жрецами лунного культа; утверждение солнечного календаря шло медленно и трудно. В Египте этот жреческий конфликт даже послужил причиной гражданской войны¹⁹. Можно предположить, что здесь имела связь с грамматикой, ведь слово «луна» до сих пор имеет мужской род, скажем, в немецком языке. Следы обоих культов, поклонения луне и солнцу, можно отыскать и в христианстве: Христос родился в зимнее солнцестояние²⁰

---

¹⁸ В России григорианский календарь введен декретом Совнаркома в 1918 году; действительно, до революции принятие нового летоисчисления неоднократно откладывалось из-за противодействия православной церкви. В Англии же введение григорианского календаря вызвало череду бунтов под лозунгом «Лучше разойтись с солнцем, чем сойтись с Римом» (поскольку новый календарь был утвержден буллой папы римского Григория XII и первыми на него перешли именно католические страны).

¹⁹ Имеется в виду конфликт вокруг учреждения солнечного культа при фараоне Эхнатоне, но политический кризис, в том числе с применением насилия, начался уже после смерти фараона.

²⁰ День зимнего солнцестояния в древних культурах – один из важнейших праздников (Йоль и пр.). Кроме того, считалось, что в этот день родился Митра – бог митраизма, популярного религиозного движения и одного из главных соперников христианства; существует гипотеза, что рождение Христа сознательно «назначили» на день зимнего солнцестояния, чтобы новый праздник быстрее укоренился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.